

ЛЮБОВЬ
ТАЙНА
ИНТРИГА

НАТАЛЬЯ
ОРБЕНЦА

ЖЕНА ИЛЛЮЗИОНИСТА

Любовь, интрига, тайна

Наталия Орбенина
Жена иллюзиониста

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Орбенина Н.

Жена иллюзиониста / Н. Орбенина — «Эксмо»,
2020 — (Любовь, интрига, тайна)

ISBN 978-5-04-110258-6

Смерть барона Корхонэна покрыта мраком тайны, правду о ней знают только двое: его сын Генрих и немой слуга. И уж точно ничего обо всем этом не ведает Маша Стрельникова, недавно познакомившаяся с баронессой Аглаей Корхонэн. С появлением баронессы жизнь Маши кардинально меняется. Из принесенной Аглаей газеты девушка узнает о гибели любимого жениха. Да и с самой Машей происходят странные вещи. Но самое ужасное – она совершенно не понимает, как и почему стала женой Генриха...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-110258-6

© Орбенина Н., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Наталья Орбенина

Жена иллюзиониста

© Наталья Орбенина, наследники, 2020

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2020

*Пусть о мечте твоей златой
Не будут знать в веках;
Но ты любил и пел весной
На северных волнах.*

И. Л. Рунеберг

Глава 1

Полицейский следователь Константин Митрофанович Сердюков с удовольствием потянулся. Раздался неприятный сухой хруст. Но так как в данный момент в кабинете он находился один, то это его не смутило. За окном вечерело, длинный день близился к концу. За стеной слышался надсадный треск пишущей машинки, кто-то пробежал по коридору. Сердюков прошелся по узкому и неуютному, как его собственная жизнь, кабинету. Устал, замотался. Пора бы домой, но там, кроме кухарки, его никто не ждет. Константин Митрофанович переложил бумаги на столе и развернул «Новое время». Лениво пробежал глазами строки заголовков. Он непременно просматривал газеты, иногда да промелькнет что-нибудь интересное. Вот и теперь острый взгляд следователя выхватил из газетной полосы знакомое имя.

«Как мы уже сообщали нашим читателям, на прошлой неделе в Гельсингфорсе при большой ажитации публики открылась выставка любопытнейшего художника Генриха Корхонэна. Его картины при первом рассмотрении могут показаться написанными душевно нездоровым человеком, настолько странными и пугающими являются образы, созданные автором. Однако же через некоторое время начинаешь ощущать их необъяснимую притягательность. Ваш покорный слуга, проведя весь день среди образов, порожденных фантазией художника, в полной мере испытал на себе их чарующее воздействие. „Так опишите нам эти картины!“ – воскликнет нетерпеливый читатель. Увы, сие невозможно, как невозможно в полной мере передать многие наши сны, пугающие видения, галлюцинации. Публика, пришедшая на вернисаж, пребывала в большом возбуждении, потому что, как нам известно, ранее ничего подобного не выставлялось.

Интерес к картинам подогревает и судьба самого художника. Художественному ремеслу Генрих Корхонэн нигде не учился, и ни один из мэтров не может похвастаться таким неординарным учеником. Корхонэн умер совсем молодым десять лет назад при крайне таинственных обстоятельствах. Погиб на одном из островов в финских шхерах. Станным и необъяснимым является тот факт, что так же загадочно, на том же роковом месте погиб отец художника.

Среди прекрасных картин своего покойного супруга присутствовала вдова художника, которая является его единственной наследницей. Замечу, что госпожа баронесса, уроженка Петербурга, живет замкнуто, редко покидает родовое имение Корхонэнов, которое расположено в лесной глуши. После Гельсингфорса загадочная выставка переместится в Стокгольм. Увидят ли петербургские любители живописи эти необычные картины, предугадать не беремся. Во всяком случае, те из наших соотечественников, которым посчастливилось побывать на этой неделе в Княжестве Финляндском и посетить эту выставку, получили удовольствие престранное и непередаваемое».

Сердюков отложил газету и задумался. Он как раз и относился к тем жителям Петербурга, которые получили престранное удовольствие от знакомства с творчеством Генриха Корхонэна.

Лицо выплывало из дымки, то становясь отчетливее, то исчезая. Его очертания казались Маше знакомыми, притягательными. Она мучительно пыталась узнать его, но облик таял, чтобы в следующий миг снова дразнить своей таинственной недосказанностью. Маша хотела звать, но не успела она и рта открыть, как вдруг из вязкой пены, в которой колыхался незнакомый лик, вынырнула то ли рука, то ли лапа. Длинная, покрытая редкой светлой шерстью, с крючковатыми когтями, она протянулась прямо к Машину лицу. Маша в ужасе отпрянула, но лапа настигала ее. Маша пыталась кричать, но крик застрял в горле.

Маша проснулась. Сев на кровати, она провела рукой по влажному лбу. Все тело покрылось отвратительным холодным потом, волосы прилипли к вискам, сердце отчаянно стучало, как после быстрого бега. Она и впрямь убежала от кошмарного сна, который теперь почему-то

часто донимал ее. Девушка содрогнулась, пытаясь отогнать неприятные ощущения. Надо все-таки заглянуть в сонник, что значат подобные видения? И почему все время одно и то же? Да как страшно! Пожаловаться маменьке – она пожалеет, рассказать Мише – он посмеется, и на душе легче станет!

Миша! Господи Боже ты мой! Он же придет нынче, а она не одета еще, и волосы не прибраны!

Маша с тревогой заглянула в зеркало. Так и есть, лицо припухло, глаза вроде как заплаканы. Она вздохнула и принялась приводить себя в порядок. Через полчаса в то же зеркало уже смотрелась милая улыбчивая барышня лет двадцати, с темными каштановыми волосами. Ее нельзя было назвать идеалом красоты, но было в ней нечто притягательное. Карие глаза, слегка вздернутый носик, чуть припухшая нижняя губа, милые ямочки на нежных щечках. И все это окутано необыкновенным светом, сиянием, возникающим, лишь когда душа поет от великого чувства. А именно оно переполняло Машу. Она любила, страстно любила своего жениха, своего суженого – офицера, лейтенанта-морьяка Колова Михаила Яковлевича. При мысли о любимом она встрепенулась, просияв улыбкой. Ночной кошмар истаял. Поспешно оправив платье, девушка выбежала из комнаты.

Мать Маши Елизавета Дмитриевна пила в столовой утренний кофе. Это была еще не старая женщина с приятным, слегка увядшим лицом. Ухоженные волосы, чуть тронутые седой, прямая осанка, аккуратное, хоть и далеко не новое домашнее платье. Ее можно было бы назвать привлекательной, если бы не сквозила в ее облике постоянная озабоченность и внутренняя неудовлетворенность жизнью.

За окном уже давно стоял белый день. Через приоткрытую форточку, колыша занавески, врвался нежный звон. На всю округу с колокольни Никольского собора, что напротив дома, разносился благовест.

– Что, голубушка, опять дурной сон привиделся? – спросила мать, подливая себе кофе из кофейника с загнутым носиком.

– Угадали, маменька! – девушка уныло кивнула и уселась на свое место напротив матери.

– У тебя опять во взгляде что-то тревожное! Не нравится мне все это!

Елизавета Дмитриевна взяла свежее испеченную булочку, намазала ее маслом и принялась со вкусом есть. Девушка последовала было ее примеру, но при воспоминании о ночном кошмаре аппетит вмиг улетучился.

– Надо в сонник заглянуть, – произнесла девушка и вопросительно посмотрела на собеседницу.

– Так я уже смотрела. Все без толку, ничего не понятно!

– Что же делать? – испугалась Маша, как будто найденное в книге объяснение могло избавить ее от ночных кошмаров.

– Вот то-то и оно! Мало прочесть, надо уметь толковать! – Елизавета Дмитриевна сделала выразительную паузу. – Ходила я к госпоже Масленковой, ну той, ты знаешь, что за Знаменской площадью живет. Она и сны толкует, и карты раскладывает. Я ей твои сны пересказала, и вот что получается. Лицо это непонятное есть олицетворение твоей судьбы. Не можешь его узнать, значит, она еще не определилась, но перемены уже близко, просто ты еще их не чувствуешь. Но судьба неотвратима, как та лапа, которая во сне наступает тебя.

– Как же я не знаю своей судьбы, если я выхожу замуж, и супруг мой будущий хорошо мне знаком! – удивилась Маша.

– Значит, не Михаил Яковлевич твоя судьба! – тихо заключила Елизавета Дмитриевна.

– Мама, зачем ты меня пугаешь?! – девушка отодвинула чашку, губы ее дрожали.

– Господь с тобой! Все это глупости! – засуетилась мать. – Я и говорить тебе не хотела, думала, что если уж опять приснится, тогда и скажу. Конечно, судьба тебе выйти за Колова, за кого же еще? Других-то и нет!

– Ты так говоришь, будто недовольна! Разве тебе не нравится Михаил Яковлевич? Разве не ты говорила, что это хорошая партия для меня?

– Нет, нет, Мишенька всем хорош, да только беден! Когда еще ему другое звание выйдет и жалованье повысят? И семейство его многочисленное, родители, братья малолетние – все ведь это на тебе повиснет, дорогая, как мельничный жернов. Вот что меня тревожит в предстоящем браке, мой ангел!

– Но что же делать, маменька! Бедность не помеха, главное – любовь! Коли есть любовь, мы все преодолеем!

– Дай-то Бог! – мать грустно улыбнулась. – Я каждый день молю о тебе, о вашем с Мишей счастье! Ведь ты у меня одна, твоя жизнь – моя жизнь, если ты будешь несчастна, я не перенесу этого! – мать всхлипнула.

– Да отчего же я буду несчастна? – Маша всплеснула руками. – Отчего ты только о плохом думаешь?

– Жизнь приучила, – Елизавета Дмитриевна совсем поникла.

– Нет, маменька, нет! Я непременно буду счастлива! – вскричала девушка, порывисто обняв мать.

– Да, да! – та поспешно утерла слезы. – А насчет предсказаний ты не беспокойся. Дарье Голубкиной, ты ее помнишь, на позапрошлом Рождестве у нас гостили, тоже предсказание было, что вовек замуж не выйдет, так она не только за купца вышла, но уже и ребеночка ждет! Вот и верь после этого гаданьям!

– Да, помню ее! – засмеялась Маша. – Только ты уж Мише ничего об этом не рассказывай, нехорошо выйдет! – добавила она уже серьезно.

Колова ждали к вечеру. Елизавета Дмитриевна, желая угодить будущему зятю, послала кухарку на Никольский рынок, находится неподалеку, через Пикалов мост, купить к обеду цыпленка, зелени, лимонов, сладостей. Жених наезжал почти каждый день, и Стрельниковы знали уже его вкусы. Но на этой неделе он был зван шафером на свадьбу. Пригласивший его товарищ служил под Петербургом управляющим в большом имении, невеста была дочерью хозяина, богатого промышленника Прозорова.

Однако Михаил Яковлевич не приехал к Стрельниковым ни в тот вечер, ни на следующий день. Маша не находила себе места, пытаясь успокоить себя уговорами: известное дело – свадьба, веселье, вино рекой. Правда, Мишенька не из пьющих. А может, кто из подружек невесты приглянулся? Когда ей уже стало мерещиться, что жених ее оставил и не вернется никогда, он наконец объявился.

– Миша! Мишенька! – Маша кинулась к нему и повисла на шее.

– Полно, полно, Мария Ильинична! – молодой человек поцеловал девушку в лоб и осторожно отстранил от себя. – Вы никак плакать собрались?

– Я уж решила, что вы никогда не вернетесь! – простодушно призналась Маша.

– Разве я давал вам повод думать обо мне как о человеке, способном совершить столь низкий поступок? – Во взгляде жениха сверкнули искры гнева.

– Извините, – Маша испугалась, что сказала что-то обидное. – Я очень ждала вас и отчаянно скучала.

Михаил Яковлевич прошелся по комнате. Маша провожала его тревожным взглядом. Она знала уже, что характер суженого непростой, что он бывает суров и строг, что сентиментальность и мягкость ему не свойственны, но это не умаляло ее любви. За внешней суровостью и иногда нарочитой грубоватостью таилось пылкое сердце, преданная, верная душа. А что еще нужно женщине, когда она знает, что на избранника можно опереться, как на каменную стену!

Девушка невольно залюбовалась возлюбленным. Колов был высок и строен. Морская форма сидела на нем как влитая. Короткие волосы, увы, уже слегка тронутые сединой, жесткие

аккуратные усы, серые, колючие и умные глаза, волевой подбородок, подпертый накрахмаленным воротничком.

– Михаил Яковлевич, что-то вы невеселы? – заметила Елизавета Дмитриевна, вышедшая поздороваться с будущим зятем. – Плохо угощали на свадьбе или случилось что?

«Наверное, завидует товарищу, что богатую взял! Не то что моя бедная Маша, ничего за душой нет!» – пронеслось в голове у женщины.

– Действительно, произошло совершенно ужасное событие. – Колов, приступив к рассказу, страшно разволновался, лицо его порозовело, руки задрожали. – Представьте себе такую картину. Невеста накануне свадьбы вместе с женихом и гостями отправляется на верховую прогулку. И меня тоже, естественно, позвали. Я ехал чуть поодаль и любовался молодыми, особенно невестой. В яркой амазонке, на белой лошади, она была удивительно хороша. И вдруг лошадь ни с того ни с сего понесла, да так стремительно, что никто из нас не успел ее догнать. Мы лишь издали видели, как кобыла споткнулась и на всем скаку рухнула в овраг. Когда мы подоспели, то вначале решили, что невеста убилась насмерть, но потом поняли, что жизнь еще в ней теплится. С великим трудом доставили домой, призвали врачей. И дальше выясняется, что жить-то она будет, да только будет прикована к инвалидной коляске, потому как поврежден позвоночник. Что и говорить, свадьба, понятное дело, расстроена, жених пребывает в отчаянии. Что теперь делать – жениться на неподвижной калеке?

– Господи Иисусе! Какая ужасная история! – Елизавета Дмитриевна перекрестилась и выразительно посмотрела на дочь.

Маша смотрела широко раскрытыми глазами. Перед ее мысленным взором вновь промелькнуло загадочное лицо и когтистая лапа.

Глава 2

После истории со свадьбой прошло две недели. Михаил Яковлевич, хоть и удрученный несчастьем друга, однако был принужден думать прежде всего о своих неприятностях. Собственные дела его пока складывались не самым удачным образом. Офицерское жалованье Колова было невелико, и, как человек честный и порядочный, он не мог жениться, не обеспечив будущей жене достойное существование. Молодой человек осмелился явиться к начальству, чтобы узнать, не выйдет ли ему повышения звания и увеличения оклада. Увы, в ближайшее время рассчитывать оказалось не на что, перемен следовало ждать только через год, а то и полтора. Маша, узнав об этом, пала духом, ей не терпелось под венец с любимым Мишенькой. Сам Колов пребывал в раздражении, он опасался, вдруг милая и очаровательная невеста, не дождавшись свадьбы, упорхнет. Он мрачнел, становился язвительным и излишне строгим по отношению к девушке, будто она уже переменялась к нему. Но Маша не сердилась и не обижалась. Она принимала любимого таким, каков он есть. Да, он не умеет вести нежных речей с придыханием, не читает стихов и не пишет в альбоме всякие приятные пустяки. Он сдержан и немногословен. Но в те мгновения, когда из его уст вырывались нежные признания, а в глазах разгорался огонь страсти, Маша понимала, сколь глубоко его чувство и как много скрыто за внешней невозмутимостью! Мысль о чувственной стороне любви будоражила воображение юной девушки, она краснела, трепетала от поцелуев жениха, просыпалась по ночам от нескромных сновидений и жаждала, чтобы они сбылись наяву.

Между тем Стрельниковы получили от родителей жениха приглашение на именины госпожи Коловой. Елизавета Дмитриевна, дама, наделенная практическим умом, выбирая в лавке Гостиного двора подарок для будущей сваты, колебалась. Купить дюжину изящных чашек с блюдцами? Так в этом суетном доме скоро их разобьют, да и вряд ли оценят красоту фарфора. Тогда, пожалуй, отрез на платье – тот, что потемней, немаркий, или фланели на капор? Отрез дороговато, но подарок нужен достойный. Женщина вздохнула и указала приказчику на приглянувшуюся материю. Сама давно без обнов, но что делать, дочка на выданье, ей приличный гардероб положен, приданое какое-никакое тоже собрать надо, совсем без ничего тоже нельзя в чужой дом отдавать! Тем более что там тоже бедность из всех углов глядит, в чем придет, в том и будет ходить бог знает сколько времени, пока на ноги встанут! От этих невеселых мыслей Елизавете Дмитриевне стало совсем грустно. Ну почему Машенька повторяет ее путь? В свое время юная Лизочка – девушка из дворянской семьи, выпускница Смольного института, без памяти влюбилась в бедного студента и вышла за него, несмотря на уговоры семьи. И что же? Она быстро растеряла прежний круг знакомств, потому как муж туда не был вхож. От страстной любви скоро осталось одно воспоминанье. Она сильно померкла от невзгод скромного быта, от постоянной нужды и унижения безденежьем. А когда муж умер, они остались с дочкой вдвоем перед лицом жизненных бед. Одна надежда была на удачный брак хорошенькой Маши, так ведь нет, поди ж ты, угораздило ее влюбиться в этого офицера!

Выйдя со свертком на Садовую улицу, Стрельникова, поскупясь на извозчика, побрела пешком. Правда, если потом подметки на ботинках чинить, неизвестно, что дороже выйдет. Она уныло шла мимо нарядных и ярких витрин, где красовались немислимо роскошные парижские платья и шляпы. У Елизаветы Дмитриевны, женщины с хорошим вкусом, защемило сердце. А они с дочкой только тем и занимаются, что перешивают и перекрашивают носеное-переносеное, пытаясь придать нарядам модный вид. То воланчики пустят по подолу, там, где проносилось до дыр, то на другую сторону перелицуют, то пуговики обновят, то старое перо со шляпки вон, а вместо него поверху цветочки бумажные...

– Лиза! Лиза Н-ская! – вдруг раздалось рядом.

Женщина обомлела. Чей-то некогда знакомый голос окликнул ее. Елизавета Дмитриевна, не сразу сообразившая, что прозвучала ее девичья фамилия, оторвала зачарованный взгляд от витрин. Она увидела перед собой даму одного с ней возраста, невысокую, очень худую, изящно одетую. Сомнений быть не могло. Это ее давнишняя одноклассница-смоляночка, после выпуска они потеряли друг друга из виду.

– Не может быть! Аглая?

– Баронесса Корхонэн перед вами, милая! – дама улыбнулась.

Приятельницы обнялись. Елизавета Дмитриевна была и рада и не рада. Аглая, едва окончив курс, стремительно вышла замуж за финского барона, овдовев, она жила с взрослым сыном в роскошном поместье в Финляндии. Она постарела, но не подурнела. Стрельниковой так хотелось вспомнить юность, поговорить о своей ненаглядной девочке, да уж слишком все нескладно выходило. Она намеревалась поспешно откланяться, но подруга и не думала ее отпускать.

– Как, милая моя, мы не виделись столько лет, и вы не хотите поболтать со мной, вспомнить наши юные годы?! Пойдемте, выпьем чаю с пирожными!

От этих слов Елизавета Дмитриевна смутилась еще более. Ее старое платье, стоптанные ботинки, перекрашенная шляпка – все это убожество так и бросалось в глаза по сравнению с роскошным нарядом баронессы. Но та словно не замечала смущения спутницы и, взяв ее под локоть, повела в ближайшую кондитерскую. Дамы расположились за столиком. Елизавета Дмитриевна поспешила снять и убрать с глаз долой штопаные перчатки и смирилась с тем, что в ближайший час ей придется пережить немало неприятного и унижительного. Как жестока жизнь! Как по-разному сложились судьбы девушек.

– Но почему же по-разному? – искренне удивилась баронесса. – Вы, как и я, вдова, вы растите дочь. Я одна воспитывала сына. У меня, как и у вас, все лучшее уже позади, поэтому так радостно и приятно встретить человека из своей юности!

Аглая Францевна говорила доброжелательно, без самолюбования, искренне интересуясь жизнью собеседницы. Как истинная аристократка, она ни на миг не позволяла Елизавете Дмитриевне ощутить свою ничтожность, и та, воспряв духом, выпрямилась, развернула плечи, голос ее стал звучать увереннее, речь обрела былую живость, и сама она все больше стала напоминать Лизу прошлых лет. Уже опустело блюдо с пирожными, официант два раза приносил свежего чаю, а приятельницы все не расходились. Наконец уговорились непременно еще встретиться и с тем покинули кондитерскую.

Елизавета Дмитриевна шла домой, упоенная встречей. Ей казалось, что время повернулось вспять. Снова забрезжили надежды, непонятная радость веселила душу, свыкшуюся с унынием. Давно она не чувствовала себя так легко и радостно. Отчего бы это? Правда, Аглая смолodu была умна, могла часами слушать подруг, проявляя невероятный такт и располагая к себе окружающих. Немудрено, что она быстро составила себе блестящую партию.

Стрельникова очень удивилась бы, узнав, куда направилась ее приятельница. Баронесса взяла извозчика и под мерный стук копыт задумалась. Ее лицо, только что оживленное радостью встречи, померкло и приняло сосредоточенное и хмурое выражение. Она тотчас же обрела сходство с больной нахохленной птицей. Коляска, качнувшись, остановилась, возница помог даме сойти. Она щедро расплатилась и скользнула в подъезд дома. Встретивший ее высокий лакей учтиво поклонился:

– Вас ждут, мадам! – и, держа перед собой бронзовый канделябр, двинулся вперед, освещая гостью дорогу.

Баронесса миновала несколько гулких полутемных помещений непонятного назначения и оказалась в небольшой комнате, погруженной во мрак. Хотя за окнами стоял белый день, тяжелые шторы препятствовали всякому проникновению света, поэтому гостью не сразу приметил хозяйку, сидевшую у небольшого лакированного столика.

– Заждалась вас, ваша светлость! Пожалуйста сюда!

Баронесса уже не первый раз посещала этот таинственный дом, но так и не смогла как следует рассмотреть лицо хозяйки. Встреть ее на улице при свете дня, она бы ни за что не поняла, что перед ней та же женщина. Лицо без возраста, глаза запавшие, тонкие сухие губы, но всего не разглядишь, лицо в полумраке. Впрочем, Аглаю Францевну это ничуть не волновало. Женщины тихо заговорили между собой.

– Сколько ей лет от роду? Двадцать? А не упоминала ли дня рождения? А, известно! Тогда все замечательно, теперь посмотрим!

На столике объявились какие-то записи с таинственными знаками, зашуршали и быстро задвигались карты.

Аглая Францевна замерла в напряженном ожидании, не сводя глаз с чрезвычайно подвижных рук, мелькавших перед нею. Карты разлетались веером.

– Есть! Вот, смотрите сюда! Это она! Наконец-то! Вся перед вами, вся ваша! Но только теперь действуйте быстро, не то упорхнет, сейчас или никогда!

Услышав долгожданные слова, баронесса на секунду закрыла глаза и улыбнулась. Дрогнувшее пламя свечи выхватило из полумрака странную улыбку, так, наверно, могли бы улыбаться змеи, если бы Создатель наделил этих тварей подобным умением.

Глава 3

Семейство Коловых проживало в Коломне, на Дровяном переулке, в доходном доме. Снимали небольшую квартиру, в которой ютились супруги Коловы и три их сына. Евдокия Осиповна Колова, услышав треньканье звонка в прихожей, поспешила встречать гостей. Охи, ахи, положенные поздравления, поцелуи и рукопожатия, и вот гости уже в большой комнате, служившей одновременно гостиной и столовой, дети делали здесь уроки, а по вечерам собиралась вся большая семья. Сейчас овальный стол был накрыт для праздничного именинного чаепития. Сердито пыхтел начищенный самовар, только что водруженный кухаркой напротив стула хозяйки. На вышитой скатерти теснились блюда с аппетитными плюшками, воздушными пирожными, румяными булочками, усыпанными маком и сахаром. В вазочках на тонких ножках застыли варенье и джем, в кружевной коробочке притаилась яблочная пастила. Посредине красовалась бутылка вина. В комнате витал запах ванили и свежей выпечки.

– Ах, какая прелесть! – всплеснула руками Елизавета Дмитриевна, обойдя стол. – Да, Маша, после такого угощения твоей осиной талии, пожалуй, еще ничего не грозит, а вот мне придется поститься!

– Полноте, – засмеялась хозяйка. – В фигуре должна быть приятная округлость, на то мы и женщины!

Дамы Стрельниковы невольно улыбнулись. Несомненно, хозяйка имела в виду прежде всего себя. Она была небольшого росточка, кругленькая. Гладкие волосы, скрученные на затылке, с возрастом потеряли свой цвет и имели блеклый вид. Она улыбалась, но улыбка чаще получалась усталой и неискренней. Евдокия Осиповна умиралась уже с утра, к приходу гостей едва стояла на ногах. А как же иначе, ведь нельзя ударить лицом в грязь перед будущей сватьей, такой гордичкой, такой аристократкой. Поэтому она лично пересмотрела всю посуду на столе, вдруг да попадет блюдце с трещиной или непротертый бокал! Пирожные пришлось брать самые дорогие, у Филиппова! Мальчишкам строго-настрого было наказано за столом не болтать, носами не шмыгать. Кошку не таскать и гостям на колени не сажать, вдруг да платье порвет, упаси Бог! Везде нужен глаз да глаз! А то ведь дворянское воспитание и происхождение делают людей гордыми и надменными. А чего, спрашивается, гордиться, бедность хуже нашего, ботинки залатанные носят, и платье на мамаше знакомое, только раньше оно коричневым было, да и лиф теперь по-другому скроен. Маша неплохая барышня, образованная, хорошенькая, но к чему Мишеньке такая жена? Ведь, не дай Бог, зашлют в дальний гарнизон, что с такой женошкой делать? Ведь она там заскучает! Нет, полюбил бы девушку мещанского звания, или пусть даже из работниц, а может, телеграфистку или сестру милосердия. Была бы по дому помощница. Можно было бы и на прислуге экономить. А так какой с нее прок, взялась мальчиков репетировать, и то не вышло!

– А вот и долгожданные гости! – навстречу дамам вышел Колов Яков Михайлович. – Ждем, ждем вас с великим нетерпением! Моя хозяйка с утра хлопочет, чтобы вам угодить!

Хозяин дома – высокий и высохший старик, в заношенном сюртуке, с пергаментной кожей, чертами лица и движениями чрезвычайно похожий на своего старшего сына, церемонно поцеловал гостям ручки, а потом не удержался и чмокнул Машу в нежную щечку. Маша засмушалась. Она чувствовала себя в этом доме очень странно. Страстная любовь к жениху побуждала ее любить и его родню, но как-то это не очень получалось. Она ощущала, что мать Миши хотела бы видеть на ее месте невестку попроще, молодую, бойкую, способную взвалить на себя все тяготы жизни. Вероятно, сама Евдокия Осиповна и была такой по молодости. Родила и растила троих сыновей.

Правда, именно благодаря младшим братьям Маша и встретила с Михаилом. Коловы наняли барышню из обедневших дворян репетировать братьев-гимназистов по французскому

языку. Положили за урок по рублю. Ученики оказались на редкость бездарные и ленивые, да еще и непослушные, поэтому, как Маша ни билась, родительские деньги пропали даром, экзамена они не сдали и получили переэкзаменовку на осень. После этого Маша решила наотрез отказаться от домашних уроков в семействе Коловых, но именно в тот день, когда она получила от Евдокии Осиповны расчет, сопровождаемый нелестными отзывами о ее успехах на педагогическом поприще, так вот именно в этот день и случилось чудо. Михаил Яковлевич частенько заходя в комнату, где она занималась с его младшими братьями. И всякий раз девушка удивлялась, как в этой семье мог вырасти такой замечательный молодой человек, окончить морской корпус, дослужиться без протекции до лейтенантского офицерского звания! Правда, суровость, с которой он выговаривал братьям за их лень и отсутствие усердия в учебе, пугала Машу. В его присутствии ее охватывал внутренний трепет, правда, она не понимала, что сей трепет вызван вовсе не страхом, а еще не осознанным чувством. По вечерам она частенько вспоминала молодого офицера, но никогда не представляла себе, что он может заинтересоваться ею, таким серьезным и строгим он ей казался. В тот день, когда Маша должна была распрощаться с семейством Коловых, Михаил Яковлевич, вернувшийся домой раньше обычного, вызвался ее проводить. Стоял теплый вечер, наплывали легкие сумерки. Молодые люди медленно шли рядом вдоль Крюкова канала к дому Маши, и тут девушка поняла, нет, почувствовала, что происходит нечто чрезвычайное. Колов осторожно взял ее за руку и, глядя прямо в глаза, сказал о своей любви. Вот так, просто, без долгих вступлений, без красочных поэтических описаний своих чувств. Но это было сказано так, с таким внутренним напряжением, что у бедной девушки голова закружилась, стремительно завертелись вокруг дома, накренился тонкий шпиль колокольни Никольского собора, изогнулся змеей канал с мостами. Безотчетным движением Маша прижалась к Колову и замерла. Любовь стремительно заполняла ее. Она подняла голову и встретила свой первый в жизни поцелуй. Лукавые херувимы на колокольне грозили ей пухлыми пальчиками. Они давно тут устроились и многое повидали!

Прогулки вдоль канала стали излюбленным развлечением молодых людей. От Кашина моста до Пикалова, через канал с его неподвижной водой, к ослепительным куполам Николы, к его тонкой и стремительной колокольне. Там в скверике около храма они часами просиживали на скамейке. Михаил, обычно немногословный, увлеченно рассказывал девушке о парусных кораблях и пароходах. О том, как человек борется со стихией, преодолевает страх, становясь суровым и мужественным. Кумиром Колова был знаменитый флотоводец адмирал Бутаков. Он проштудировал его труд «Новые основания парусной тактики» и щедро цитировал его Маше: «В военное время риск есть необходимость; прибавлю, что в мирное время нужно выучиться рисковать, чтобы в военное время уметь рисковать, то есть получить уверенность и крепость нервов». Девушка слушала рассказы о морских сражениях, о доблести русских моряков с широко раскрытыми глазами. Она воображала себя на военном корабле, под ногами качается палуба, режут волны. Жаль, что женщин не берут во флот!

Иногда они пешком уходили до Новой Голландии. Огромные массивные колонны из темно-красного камня, величественная арка, отражение которой колыхалось в воде. Маша никак не хотела поверить, что здесь расположен всего лишь склад древесины. Колов рассказал своей восторженной слушательнице, что внутри есть Опытный бассейн, где с петровских времен испытывались новые корабли. И Маше казалось, что вот-вот из-под арки прямо в канал выйдет парусник и, расправив свои белоснежные паруса, поплывет через площади, по крышам домов в неведомую даль, в безбрежный простор.

– Ну, что же вы, Машенька, ничего не кушаете! – Из сладостного оцепенения девушку вывел голос Евдокии Осиповны. – Вы уж маменьку свою не слушайте, кушайте на здоровье!

– Да ей твои разносолы в рот нейдут, пока Мишеньку своего не увидит! – пошутил старый Колов.

Маша посмотрела на него с улыбкой. Наверное, и ее Мишенька будет вот таким же, когда они проживут вместе много-много лет.

– Скоро, скоро прилетит твой сокол! Да вот и он! Легок на помине! – старик поднял высохший палец.

Через несколько мгновений вошел Михаил.

– Миша, сынок, ты сегодня позднее обычного! – заохала мать. – Мы уж заждались! Самовар по второму разу кипятили!

– Коли заждались, так больше ждать не будем ни секунды! Поздравляю вас, маменька! – воскликнул Михаил, чмокнул мать в лоб и, потирая руки, двинулся к столу. – А я вижу, вы тут уже почаявничали? – Он кивнул в сторону початой бутылки красного сладкого вина.

– Да, пригубили за здоровье именинницы, – проворковала Елизавета Дмитриевна, бросив на дочь настороженный взгляд.

Маша, уже хорошо изучившая своего жениха, тотчас же уловила, что что-то неладно.

Чаепитие продолжалось. Братья Михаила Ганя и Даня быстро поглощали угощения, уткнувшись носами в тарелки. В присутствии Маши и ее матери их так и подмывало закричать дикими голосами нечто вроде «Тили-тили-тесто, жених и невеста!», сделать неприличную мину и убежать прочь с двусмысленным хихиканьем. Они и раньше не могли спокойно сносить пребывание в их доме молоденькой барышни. И не пытаясь постичь правила французской грамматики, они разглядывали ее ноготки, когда она водила пальчиком по книге. Таращились на пуговицы платья, облежавшего высокую грудь. Жадно смотрели вслед, пытаясь уловить очертания бедер и щиколоток. В гимназии по рукам ходили неприличные снимки. Ганя и Даня изучили их и теперь не могли думать ни о чем ином. Манящая и неизведанная девичья красота, разговоры о женитьбе старшего брата повергли их в совершенно неопишное состояние. Они уже сто раз обсудили, как это будет, когда Маша станет жить с ними в одной квартире, расхаживать по дому, как мать, в раскрытом капоте или ночной рубашке, с распущенными волосами.

– Даня, – злое шипение прервало сладостные грезы, – ты опять закапал скатерть вареньем! Какой же ты олух царя небесного!

Преступник замер с открытым ртом, и быть бы ему сегодня битым, но в это время рассерженная мать переключилась на беседу между старшим сыном и его невестой.

– Постойте, я ничегошеньки не понимаю, что ты такое сейчас сказал?

– Я, маменька, сказал, что придется в ближайшее время мне вас покинуть, и, видимо, надолго. Уходим в море, в поход. Ученья.

– Но как же так, какой такой поход? – Маша отодвинула чашку с такой силой, что чай выплеснулся, но, слава богу, только на блюде, а не на скатерть. – Какой такой поход, ведь нынче войны-то никакой нет?!

– Маша, милая, военный человек не свободен в своих действиях. Есть приказ, его не обсуждают, а выполняют! К тому же моряк и в мирное время должен готовиться к встрече с противником. Надо всегда быть наготове, вот поэтому и ученье, поход. Я же рассказывал тебе о броненосцах в составе Практической эскадры в Балтийском море. Вот на таком новом пароходе я и буду плавать в финских шхерах. «Князь Пожарский» называется. Эскадра должна отрабатывать маневры, слаженность действий. Будут минные учения, артиллерийские стрельбы.

– Но ведь нет же никаких противников! – Маша чуть не плакала.

– Как это нет? Да их пруд пруди, всяк норовит России пакость сделать, – с пафосом произнес Колов-старший. – Только их, супостатов, надо всегда на прицеле держать. Вот, к примеру, германец коварный, нет ему веры.

– Как же так, а ведь у нас императрица немка? – искренне подивилась Евдокия Осиповна.

– Вы все путаете, – вмешался в разговор Ганя. – Это невеста наследника немка, а императрица, так та из Дании!

И Ганя обвел присутствующих торжествующим взором, гордясь своими познаниями в отечественной истории. Маша в другой раз, может быть, и порадовалась бы за своего ученика, да только теперь ей было не до того, она думала о грозящей разлуке с возлюбленным.

– Ах, Боже мой! Ну, так прежние все были немки! – продолжала упорствовать Евдокия Осиповна.

– Э, тут тонкости высокой политики, тут шире брать надо! Монархические браки – это одно, а интересы Отечества – совсем другое дело! – и Яков Михайлович изготовился прочитывать несведущим дамам лекцию, так как частенько проводил время, погружившись в газетные новости.

– Нет, нет, постой, ради бога! К чему сейчас это! – замахала на мужа руками супруга. – Миша, скажи толком, что за поход?

– Ну что вы, в самом деле, так все всполошились! Обычное дело, служба! В Балтийское море выйдем, Выборгский залив, Транзундский рейд, впрочем, вам это ни к чему. Да и ненадолго, месяц-другой. – Михаил пытался выглядеть бодрым, однако по всему было видно, что его самого гнетет предстоящая разлука. – Ведь что важно для человека, находящегося далеко от дома, среди холодных волн, – чтобы его любили и ждали. Ждали, несмотря ни на что. И тогда через эту любовь ему все будет нипочем!

– Я буду ждать тебя и любить! – прошептала Маша и, не стесняясь присутствующих, бросилась в объятия жениха.

– Вот вам и подарок к именинам! – расстроено протянула Евдокия Осиповна.

– Как это некстати! – с досадой заметила Елизавета Дмитриевна, подразумевая и Мишину новость, и шkodливую кошку, которая, воспользовавшись всеобщим расстройством, все-таки взобралась к ней на колени и вцепилась когтями в складки платья.

Глава 4

Михаил Яковлевич уже почти три недели находился в море. В первые дни разлуки Маше казалось, что она умрет от тоски. Облегчение приносили лишь письма возлюбленного. Поначалу Колов писал часто, потом письма стали приходить все реже, а теперь уже неделя миновала, а все нет ничего. «Да и откуда им приходить, из пучины морской? Нептун, что ли, в роли почтальона выступит? – утешала себя девушка. – Покуда у берега стояли, вот и удавалось весточку передать, а теперь, видимо, в открытом море, разве что ветер принесет воздушный поцелуй!» Она уже не один раз перечитала каждое из писем, находя между строк все новые, не замеченные ею ранее, признаки любви. Жених не отличался многословием, чувства свои выражал скупно, точно отмеривал по капельке, но как она ценила эти строки, угадывая за ними движения губ, выражение глаз! В ответ она посылала целые оды, пылкие поэмы, не стесняясь своих чувств и не скупясь их изливать на возлюбленного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.